

Русская литература

№ 1

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1990

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Д. С. Лихачев. Закономерности и антизакономерности в литературе	3
Е. Н. Купреянова. Гоголь-комедиограф (публикация В. Е. Ветловской)	6
В. И. Мельник. И. А. Гончаров в полемике с этикой позитивизма (к постановке вопроса)	34
Анна Тамарченко (США). Драматургическое новаторство Михаила Булгакова	46

ИЗ НАСЛЕДИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Игорь-Северянин. Ручьи в лилиях. Поэзы 1896—1909 годов (публикация В. А. Кошелева)	68
К. Ю. Лаппо-Данилевский. Глеб Струве — историк литературы	99
Г. П. Струве. Журналы русского зарубежья	108

ФОЛЬКЛОРИ СОВРЕМЕННОСТЬ

Т. А. Новичкова. Два мира — земной и космический — в современных народных легендах	132
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Е. Г. Водолазкин. Всемирная история в духовном мире древнерусского книжника (к вопросу литературного освоения Хроники Амартола)	144
Г. И. Ганзбург. К истории издания сочинений Елизаветы Кульман	148
Р. Г. Назарьян, М. Г. Салупере. Эстонские страницы биографии В. К. Кюхельбекера	156
К. А. Кумпан. История издания поэтического сборника Вяземского «В дороге и дома»	164

Г. М. Фридендер. Достоевский в оценке Хосе Ортеги-и-Гасета	172
И. А. Битюгова, И. Д. Якубович. Неизвестное письмо Достоевского к Н. А. Любимову, посвященное «Братьям Карамазовым»	177
С. А. Рейсер. Н. С. Лесков и народная книга	181
О. В. Евдокимова. Н. С. Лесков и Ф. И. Буслаев	194
О. А. Кузнецова. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова)	200
Ю. Л. Кроль. Об одном необычном трамвайном маршруте («Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилева)	208
Э. Ф. Голлербах. Из воспоминаний о Федоре Сологубе (публикация М. М. Павловой)	218
М. В. Безродный. Об одной подписи Алексея Ремизова	224
В. В. Перхин. Два письма Андрея Платонова	228
В. Н. Запевалов. О судьбе шолоховского архива	232

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. А. Грякалов, Ю. Ю. Дорохов. От структурализма к деконструкции (западные литературно-эстетические теории 70—80-х годов XX века)	236
П. Е. Бухаркин. Первый том нового словаря русских писателей	249

ХРОНИКА

С. Покровская. Всесоюзная научная конференция «Анна Ахматова. Труды и дни»	256
Е. А. Голлербах. Ахматова, Голлербах, Лукницкий (по поводу одной публикации в «Нашем наследии»)	262

Редакционная коллегия:

Н. Н. СКАТОВ (и. о. главного редактора),
В. Н. БАСКАКОВ, *Г. Я. ГАЛАГАН* (зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ*,
Г. А. ГОРЫШИН, *В. Я. ГРЕЧНЕВ*, *Н. А. ГРОЗНОВА*, *Л. А. ДМИТРИЕВ*, *Б. Ф. ЕГОРОВ*,
А. И. ПАВЛОВСКИЙ, *А. М. ПАНЧЕНКО*, *В. А. ТУНИМАНОВ*, *С. А. ФОМИЧЕВ*,
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Отв. секретарь редакции М. Д. Кондратьев

Адрес редакции: 199034, Ленинград, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

В. В. Перхин

ДВА ПИСЬМА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Публикуемые письма относятся к самому тревожному периоду душевной и творческой жизни Андрея Платонова.

Повесть «Впрок» (Красная новь. 1931. № 3) была встречена градом политических обвинений. Писателя стали называть «идеологическим агентом кулачества» (А. Фадеев), «распоясавшимся классовым врагом» (И. Макарьев), «литературным подкулачником» (А. Селивановский), «контрреволюционером» (Я. Эльсберг). Все это было сказано о Платонове на страницах периодики во второй половине июня 1931 года и повторялось в последующие месяцы.

То было время, когда действовал выдвинутый рапповцами лозунг «союзник или враг», когда политический критерий стал доминирующим в критике «неистовых ревнителей». Сталинская идея обострения классовой борьбы, неоднократно им повторявшаяся после 1928 года, была усвоена руководителями литературной жизни. В соответствии с ней пресекалась всякая попытка писателей «сметь свое суждение иметь» о происходящих в стране процессах. Звучавшие еще недавно призывы А. В. Луначарского: «Трудовой интеллигенции и крестьянству мы должны дать возможность высказаться...»;¹ «Тактика „удара“ в высшей степени неприемлема для нас»² — в 1931 году уже никто не решался повторять в печати. О каком праве «высказаться» можно было вести речь, если в 1929—1931 годах были закрыты многие литературно-художественные общества, в том числе такие, известные еще с начала XIX века, как Общество любителей российской словесности и Общество поощрения художеств. Более того,

возрастала опасность, что политическое недоверие обернется арестом. Не случайно некоторые писатели говорили, как бы обращаясь к властям: «Кто любит страну и народ и любит правду этой страны и этого народа — ни один такой писатель ради правды не испугается ни тюрьмы, ни смерти».³

Повестью «Впрок» Платонов еще раз доказал, что он «любит правду этой страны и этого народа». При этом он и в ней был верен ленинскому критерию социальной справедливости и правды. Это ясно уже из того, как иронически нарисован образ Упоева, который в 1930 году, находясь «во главе сплошной коллективизации», «сметает кулака со всей революционной суши», тогда как при Ленине его посадили под арест за то, что «стихийно» сжег кулацкий хутор.⁴

Важно отметить, что тогда же ленинскую точку зрения отстаивала Н. К. Крупская. В начале 1930 года она подготовила брошюру «В. И. Ленин о колхозах», которая вызвала возражения у издательских редакторов, требовавших приведения текста в соответствие с политическими установками. А. Верхотурский, зав. сектором массовой литературы, писал 30 марта 1930 года председателю правления Госиздата А. Б. Халатову: «Н. К. Крупская не соглашается с наиболее важными замечаниями. Ни из текста приводимых ленинских высказываний, ни из ее заключительных слов не ясны причины, заставившие советскую власть решиться на такой шаг («ликвидацию кулачества как класса». — В. П.). Перед любым нашим читателем по прочтении книжки (Н. К. Крупской. — В. П.) вста-

нет вопрос: насколько сказанное Лениным о колхозах соответствует тому, что делается у нас в настоящее время, насколько политика партии вытекает из положения о колхозном строительстве, высказанного тов. Лениным. Крупская обещает об этом высказаться в другой брошюре».⁵

Уход Крупской от прямого ответа на этот вопрос был, по-видимому, намеком на разительное несходство ленинской и сталинской политики. Это беспокоило редактора: «Кроме сказанного мы обращаем Ваше внимание еще и на следующее место в брошюре: „Но как в 1919 году партия призывала к внимательному отношению к середняку, так и теперь...“ Между призывами партии в 1919 году и отношением ее к середняку в наше время — существенная разница, поэтому следует изменить редакцию фразы».⁶

Изменить фразу в угоду новой политической линии, прикрыв ее ленинским авторитетом, — вот чего хотел редактор. Крупская не уступала, стремясь донести ленинские идеи. По-своему сделал это Платонов в повести «Впрок». На ее страницах звучит мысль о бережном отношении к середняку, протест против тех, кто «официально-косноязычно приучили народ думать».⁷

К Ленину же восходит постоянно звучащая мысль о необходимости слушать народное мнение, собирать «бедняцко-середняцкий пленум».⁸ Фактически Платонов воспроизвел здесь крестьянские мысли, которые он мог узнать в поездках по Центральной Черноземной области. Подтвердим это, процитировав письма крестьян в «Правду», написанные в 1929-м — начале 1930 года: «...партия сбилась с правильного пути, с ленинского пути, взяла ретиво влево. Станьте на путь Ленина — и мы пойдем твердо к заветному»; «Все крестьяне говорят: Владимир Ильич Ленин дал нам свободу, а у нас ее отнимают»; «Ленин говорил: прислушайтесь течения народа».⁹

Эти же письма бесспорно имела в виду М. И. Ульянова, работавшая ответственным секретарем «Правды», когда 22 апреля 1929 года писала: «За последнее время получают все более тревожные письма о больших колебаниях в деревне (в связи с чрезвычайными мерами, голодом в потребляющих губерниях, нарушением революционной законности...». М. И. Ульянова выступала против «однобокой информации» в прессе, так как «точка зрения, замалчивающая или затушевывающая трудности и опасности, а также чрезмерные восторги перед достижениями будут проявлением ограниченного самодовольства и комчванства».¹⁰

Платонов и старался в повести «Впрок» не затушевывать «трудности и опасности» коллективизации, быть верным ленинскому требованию правды, находясь тем самым в ряду таких людей, как Н. К. Крупская и М. И. Ульянова. Однако иным были озабочены рапповские критики; им-то и были свойственны «чрезмерные восторги перед достижениями». Поэтому они осудили повесть, отрицая очевидные и, конечно,

им тоже известные вещи. Вот несколько примеров.

Показ Платоновым недостатков в «коммунистическом руководстве колхозным движением» Фадеев назвал «попыткой оклеветать» это руководство.¹¹ Но он не говорил, что этих недостатков не было и нет. Он только требовал показывать «передовых крестьян».¹²

И. Макарьев интерпретировал образ Упоева как показ Платоновым «лица нашей партии»,¹³ а поэтому, в частности, повесть назвал «клеветой классового врага». Как и Фадеев, не отрицая колхозных недостатков, он разрешал, однако, лишь «легкую сатиру». Критик отказал писателю в правде изображения, голословно утверждая: «В действительности не так...»¹⁴

«Восторг перед достижениями» коллективизации руководил и пером А. Селивановского. Он соглашался, что есть «бюрократические извращения в работе колхозов» и «перегибы» в колхозном движении. Только напрасно Платонов винит «центральное руководство». Лучше бы он показал «подлинных руководителей колхозов, выдвинутых социалистической революцией».¹⁵

К какой бы статье мы ни обратились — везде в основе одна схема: писатель не должен выпячивать недостатки, он должен показывать достижения. Критики как будто старались прилежно «соответствовать» заголовкам, пестревшим на первых полосах «Литературной газеты»: «Ударник — центральная фигура пролетарской литературы»; «Страна должна знать своих героев»; «Не включившиеся в работу по показу героев — дезертиры с фронта борьбы за большевистское искусство».

Такое единодушие наводило на мысль об одном источнике вдохновения. Да критики и не скрывали, что опирались на указания Сталина. На его выступлениях они учились политическим оценкам, из его речей знали, какую действительность должен изображать писатель. П. Березов прямо говорил, что он руководствовался письмом Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931). Оно является, писал критик, «прямой директивой для марксистской критики в смысле беспощадного разоблачения фальсификаторов в области художественной литературы».¹⁶

Платонов был поставлен перед выбором: или создавать вещи «по нашему заказу», или остаться «крупным даровитым писателем»; или последовать советам критиков, вовсе не думающих о таланте, а только призывающих к сталинскому пониманию процессов действительности и показа ее в искусстве, или остаться самим собой и, как следствие, быть изъятым из литературной жизни в качестве «классового врага» и «фальсификатора в области художественной литературы».

В письме к М. Горькому от 24 июля 1931 года Платонов признавался, что «мучительно» переживает проработку в печати, что много «выстрадал», что «жить с клеймом классового врага невозможно».¹⁷ «Рабочий класс — это моя родина», — писал Платонов. И это было действительно так. Поэтому ему особенно горько было

сознавать, что критика встала между ним и читателями, «своим классом». Превозмогая себя и, может быть, инстинктивно защищаясь, он старался признать положительное воздействие «оглушающей» критики. Но зоркий разум не позволял обманываться. Ему временами казалось, что критика могла иметь и неосознанную цель — «довести меня до этого состояния»,¹⁸ т. е. до состояния «классового врага». Платонов чувство-

вал пристрастность критики, ее заданность. Но критика-то была из лагеря, связанного с его «родиной». К тому же главным обвинителем оказался редактор журнала, напечатавшего «Впрок». Все это усугубляло не только страдания, но и затрудняло выработку ответа. Поэтому, отправив одно письмо, Платонов через несколько дней посылает второе, внося в него существенные уточнения.¹⁹

В РЕДАКЦИЮ «ПРАВДЫ» И «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Просьба поместить следующее письмо.

Нижеподписавшийся отрекается от всей своей прошлой литературно-художественной деятельности, выраженной как в напечатанных произведениях, так и в ненапечатанных.

Автор этих произведений, в результате воздействия на него социалистической действительности, собственных усилий навстречу этой действительности и пролетарской критики, пришел к убеждению, что его прозаическая работа, несмотря на положительные субъективные намерения, приносит почти сплошной контрреволюционный вред сознанию пролетарского общества.

Противоречие — между намерением и деятельностью автора — явилось в результате того, что автор ложно считал себя носителем пролетарского мировоззрения, тогда как это мировоззрение ему предстоит еще завоевать.

Нижеподписавшийся, кроме указанных обстоятельств, почувствовал также, что его усилия уже не дают больше художественных предметов, а дают пошлость: вследствие отсутствия пролетарского мировоззрения.

Классовая борьба, напряженная забота пролетариата о социализме, освещающая, ведущая сила партии — все это не находило в авторе

письма тех художественных впечатлений, которых эти явления заслуживали. Кроме того, нижеподписавшийся не понимал, что начавшийся социализм требует от него не только изображения, но и некоторого идеологического опережения действительности — специфической особенности пролетарской литературы, делающей ее помощницей партии.

Автор не писал бы этого письма, если бы не чувствовал в себе силу начать все сначала и если бы он не имел энергии изменить в пролетарскую сторону свою идеологию.²⁰ Главной же заботой автора является не продолжение литературной работы ради ее собственной «прелести», а создание таких произведений, которые бы с избытком перекрыли тот вред, который был принесен автором в прошлом.

Разумеется — настоящее письмо не есть искупление²¹ моих вредоносных заблуждений, а лишь гарантия их искупить — и разъяснение читателю, как нужно относиться к прошлым моим сочинениям.

Кроме того, каждому критику, который будет заниматься произведениями Платонова, рекомендуется иметь в виду это письмо.

Москва. 9 июня 1931 г.

Андрей Платонов

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» И В «ПРАВДУ»

Просьба поместить следующее письмо. (Предыдущее на эту же тему прошу считать недействительным ввиду ряда ошибочных формулировок, допущенных автором по субъективным причинам).*

Я считаю глубоко ошибочной свою прошлую литературно-художественную деятельность. В результате воздействия на меня социалистической действительности, собственных усилий навстречу этой действительности и пролетарской критики я пришел к убеждению, что моя работа, несмотря на положительные субъективные намерения, объективно приносит вред. Противоречие — между намерением и деятельностью автора — явилось в результате того, что автор ложно считал себя носителем пролетарского мировоззрения, тогда как это мировоззрение ему предстоит завоевать.

Это убеждение явилось во мне не сразу, а началось еще с прошлого года, но лишь теперь вылилось в форму катастрофы, благодетельной для моей будущей работы («Впрок» написана более года тому назад, что не может, конечно, служить каким-либо оправданием).

Кроме указанных обстоятельств, я почувствовал также, что мои усилия уже не дают больше художественных предметов, а дают пошлость: вследствие отсутствия пролетарского мировоззрения.

Классовая борьба, напряженная забота пролетариата о социализме, освещающая, ведущая сила партии — все это не находило во мне тех художественных впечатлений, которые эти явления заслуживают. Кроме того, я не понимал, что начавшийся социализм требовал от меня не только изображения, но и некоторого идеоло-

гического опережения действительности — специфической особенности пролетарской литературы, делающей ее помощницей партии.

Я не мог бы написать этого второго письма, если бы не чувствовал в себе силу начать все сначала и если бы не имел энергии изменить в пролетарскую сторону свое творчество — самым решительным образом. Главной же моей заботой является теперь не продолжение литературной работы ради ее собственной «преlestи», а создание таких произведений, которые бы с избытком перекрыли тот вред, который был принесен автором в прошлом.

Письма показывают, что писатель старался идти на уступки, но не соглашался порвать с ленинскими взглядами на социализм, справедливость и правду. Это ясно из того, что, отрекаясь «от всей своей прошлой литературно-художественной деятельности», Платонов не отказывался от своего мировоззрения. А именно это требовалось. Комментируя покаянное письмо другого писателя, редактор «Литературной газеты» С. С. Динамов призывал бороться с неверным мировоззрением посредством «выжигания каленым железом».²³ Платонов же обещал только «завоевать пролетарское мировоззрение», как бы дополнить им уже имеющееся, в крайнем случае «изменить свою идеологию в пролетарскую сторону». Но и эту формулировку во втором варианте письма он объявил «ошибочной» и дал другую: «изменить свое творчество».

Но самое, может быть, важное свидетельство — во втором письме снято отречение от всего «ненапечатанного». Значит, от «Чевенгура» и «Котлована» писатель решил не отказываться. Растерянность после первой атаки критиков проходила.

И все же некоторые, пусть внешние, черты писем Платонова в редакции соответствуют уже сложившимся к тому времени канонам этого жанра: ²⁴ обязательное признание ошибок, благоговящего действия критики и обещание подвести черту под прошлым. Учитывая ситуацию, Платонов старался даже формулировать в усредненном стиле. Примечательна замена чисто платоновского выражения «собственное вещество» на «свою идеологию».

Вместе с тем была и существенная разница. Все признавали «политическую ошибочность своего произведения»²⁵ или «целый ряд политически неверных мест».²⁶ Платонов не признал политических ошибок, а значит, и политических обвинений критики. В первом варианте письма еще сказались ее влияние: он написал о «контрреволюционном вреде» своих книг. Во втором письме исправлено: «объективно приносит вред». Уточнения показывают, что от поспешных уступок и покорного следования за обвинителями писатель отказался. Более того, перешел к скрытой полемике. Критика настаивала на сознательном вредительстве — Платонов во втором письме утверждал, что если и был вред, то без

Разумеется, настоящее письмо не есть искупление моих заблуждений, а лишь гарантия их искупить и разъяснение читателю, как нужно относиться к прошлым моим сочинениям.

Кроме того, каждому критику, который будет заниматься произведениями Платонова, рекомендуется иметь в виду это письмо.

14 июня 1931 г.

Андрей Платонов

* фразу в скобках печатать не следует.²²

умысла, «объективно». Другой пример. Выражение «вредоносные заблуждения» исправлено на «мои заблуждения», так как вредоносной, «кулацкой» считала повесть критика.

Все это свидетельствует: Платонов не смог согласиться, что ленинская направленность повести была политической ошибкой.

По мере выхода из шокового состояния полемика с критикой нарастала. В упомянутом письме Горькому, написанном через месяц после удара, гораздо более откровенно, чем в письмах, рассчитанных на обнародование, Платонов сообщил «лично» для Горького, что «двенадцать человек», «видные литераторы», «давали такую высокую оценку моей работе (повести «Впрок». — В. П.), что я сам удивлялся»;²⁷ один «сказал мне следующее: ты написал классическую вещь, она будет жить долгие годы».²⁸ Платонов не назвал фамилий, даже слегка осудил «двенадцать» за повышенную оценку, но по всему видно, что он желал, чтобы Горький присоединился к их мнению.²⁹ И тем самым облегчил бы отчаянные переживания Платонова, помог противостоять мучительному давлению критики. Но в эти дни Горький, «веселый, свежий, крепкий», восхищался «Охранной грамотой», беспокоился о ее переводе и издании за границей.³⁰ Судьба интеллигенции была для Горького и в 1931 году все еще ближе, чем судьбы крестьянства. Вероятно, поэтому Платонов не получил ожидаемой поддержки. Духовной опорой оставались воспоминания о мнении «двенадцати» (а может быть, и встречи с ними), а также дневниковое осмысление событий.

В дневниковой записи Платонова, относящейся к 1931 году, читаем: «Не отставать от Ленина ни на шаг! (Сказано искренне и хорошо)».³¹ И в заметках о литературе звучат мысли, перекликающиеся с тем, что сказано об искусстве в «Впрок». В дневнике записано: «Как не похожа жизнь на литературу». Тут же пояснение: в жизни «отчаяние», а в литературе «благородство», легкость чувства. И оценка такой литературы: «Большая ложь». И это в то время, когда в письмах в «Правду» он как будто признавал нужным и для себя принцип пролетарской литературы — давать «некоторое идеологическое опережение действительности».

Ясно, что критика не столкнула Платонова на позиции «чрезмерных восторгов», не сделала

из него писателя «по заказу». Об этом свидетельствуют «Мусорный ветер», «Ювенильное море», «Возвращение», а в области теории — толкование сатиры в соответствии с творческими принципами «Котлована» и «Впрок».³² Но все это было результатом сложного внутреннего драматического развития. После 1931 года оно определялось противоборством сложившегося в 20-е годы художественного опыта и мировоззрения, в котором важнейшей координатой была ленинская традиция, с идеями и правилами не родственными писателю, но которые агрессивно навязывались под видом стопроцентной пролетарской идеологии. Публикуемые письма проливают дополнительный свет на истоки той эволюции, которая приведет Платонова к знаменитым критическим статьям конца 30-х годов.

¹ Луначарский А. В. Статьи о советской литературе. М., 1971. С. 129.

² Пути развития театра. М., 1927. С. 231.

³ Яковлев А. С. «Заметки о романе «Человек и пустыня»» // ААН СССР. Ф. 597. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 29.

⁴ Платонов А. Впрок // Дон. 1987. № 12. С. 96.

⁵ ААН СССР. Ф. 520. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 3.

⁶ Там же.

⁷ Платонов А. Впрок. С. 100.

⁸ Там же.

⁹ ААН СССР. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 207. Л. 2—4. В крестьянских письмах постоянно звучит антитеза «Ленин—Сталин». Она же составляет существенную часть содержания повести «Впрок».

¹⁰ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 127.

¹¹ Фадеев А. Об одной кулацкой хронике // Красная новь. 1931. № 5—6. С. 207.

¹² Там же. С. 208.

¹³ Макарьев И. Клевета // На литературном посту. 1931. № 18. С. 27.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Селивановский А. В чем «сомневается» Андрей Платонов // Лит. газ. 1931. 10 июня.

¹⁶ Березов П. Под маской // Пролетарский авангард. 1932. № 2. Стлб. 168. Это поразительно не походило на призыв Луначарского, который еще пытался противостоять политике «беспощадного разоблачения». Мало заставить писателя «идти с коммунистической партией»,

говорил Луначарский, «нужно, чтобы он не потерял своего творческого таланта. Нам не нужно хорошего мастера, который будет давать по нашему заказу вещи, — нам нужен крупный даровитый писатель» (Лит. газ. 1931. 10 июня).

¹⁷ Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 177, 178.

¹⁸ Там же. С. 177.

¹⁹ Письма хранятся в ААН СССР (Ф. 520. Оп. 2. Ед. хр. 294. Л. 1—3).

²⁰ Первоначально: «собственное вещество».

²¹ Первоначально: «самоискупление».

²² Прим. Платонова (написано карандашом).

²³ Динамов С. От редакции // Лит. газ. 1931. 20 мая.

²⁴ Только весной и летом 1931 года «Литературная газета» опубликовала более десяти писем с извинениями за литературные ошибки: Б. Лавренева (20 мая), Ив. Катаева (30 мая), Ан. Троицкого (20 июня) и др.

²⁵ Романов П. Письмо в редакцию // Лит. газ. 1931. 15 июля.

²⁶ Юрин М. Письмо в редакцию // Там же. 9 апр.

²⁷ Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 177.

²⁸ Там же. С. 178.

²⁹ Примечательно, что доверительность сочеталась с осмотрительностью. Выяснить имена — особая задача. Пока отметим оговорку Платонова, что многих из двенадцати он «не перестал уважать и теперь». Она заставляет задуматься, кто же выпал из числа «уважаемых». Можно предположить, что это мог быть Фадеев, который напечатал «Впрок», а потом последовательно громил повесть как «враждебное нам литературное произведение» (Подъем. 1932. № 1. С. 91). И еще. Среди уважаемых литераторов, вероятно, был А. В. Луначарский, который в феврале 1933 года познакомился с рукописью «Ювенильного моря» (без ведома Платонова это не могло случиться) и записал в дневнике: «...прочли «Ювенильное море», злую, печальную и почти страшную пародию Платонова, которая, конечно, не пройдет в печать». (Информация любезно предоставлена И. А. Луначарской).

³⁰ Борис Пастернак в переписке с Максимом Горьким // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 45. № 3. С. 269.

³¹ Лит. Россия. 1982. 1 янв. С. 8.

³² См.: Платонов А. Размышления читателя. М., 1980. С. 87—91.